

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81

Дата поступления: 15.08.2023
рецензирования: 21.10.2023
принятия: 25.11.2023

Языковая репрезентация концепции энтропии – энергии в публицистике Е. Замятина

Ж.И. Можнова

Нижегородский государственный педагогический университет имени К.Минина,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация
E-mail: Zmozhnova@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3996-2904>

Аннотация: Статья посвящена выявлению особенностей языковой репрезентации важнейшей для мировоззренческой системы Е. Замятина идеи революционного обновления мира. Исследование осуществлено в русле актуального в современной лингвистике антропологического направления. В центре внимания оказывается лексика, связанная с отражением концепции энтропии – энергии, перенесенной Е. Замятиным из области физико-математических знаний в сферу гуманитарных наук. Большое внимание уделяется анализу функциональных особенностей слов, объединяемых в лексико-семантическую группу с общим значением *субъекты революционного процесса*, а также репрезентации понятия *революция* в публицистике писателя. Основными задачами исследования являются определение индивидуально-авторского компонента в значениях ключевых слов и описание их системных связей. Главным методом исследования служит контекстуальный анализ. В процессе выявления актуализированных сем в структуре лексического значения используется метод компонентного анализа; при определении различных смысловых нюансов, связанных с особенностями индивидуального миропонимания писателя, – семантико-стилистический метод. Источник фактического материала – историко-литературные статьи и очерки Е. Замятина. Результатом анализа стало описание значимого фрагмента индивидуальной картины мира писателя. Исследование его публицистики в предложенном ракурсе предпринято впервые. В итоге был сделан вывод о принципах построения лексической микросистемы, отражающей диалектические воззрения Е. Замятина, выявлены контекстные значения ключевых слов и описаны способы актуализации данных значений. Принцип бинарных оппозиций, лежащий в основе осмысления действительности писателем, обусловил специфику его идиостиля: использование приемов языковой игры, основанной на противопоставлении значений полисемичного слова, активное употребление контекстуальных антонимов и окказиональных слов.

Ключевые слова: индивидуальная картина мира; идиостиль; лексико-семантическая группа; актуальный смысл слова; бинарные оппозиции; Замятин; революция; энтропия; энергия.

Цитирование. Можнова Ж.И. Языковая репрезентация концепции энтропии – энергии в публицистике Е. Замятина // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2023. Т. 29, № 4. С. 141–149. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-4-141-149>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Можнова Ж.И., 2023

Жанна Игоревна Можнова – кандидат филологических наук, доцент, кафедра русского языка и культуры речи, Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина, 603002, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 1.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 15.08.2023
Revised: 21.10.2023
Accepted: 25.11.2023

Language representation of the concept of entropy – energy in the journalism of E. Zamyatin

Zh.I. Mozhnova

Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Nizhny Novgorod, Russian Federation
E-mail: Zmozhnova@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3996-2904>

Abstract: The article is devoted to identifying the features of the linguistic representation of the idea of revolutionary renewal of the world, which is the most important for the worldview system of E. Zamyatin. The study was carried out in line with the anthropological trend that is relevant in modern linguistics. The focus is on vocabulary related to the reflection of the concept of entropy - energy transferred by E. Zamyatin from the field of physical and mathematical knowledge to the field of the humanities. Much attention is paid to the analysis of the functional features of words combined into a lexical-semantic group with a common meaning of the subjects of the revolutionary process, as well as the representation of the concept of revolution in the writer's journalism. The main objectives of the study are to determine the individual author's component in the meanings of keywords and describe their systemic relationships. The main research method is contextual analysis. In the process of identifying actualized semes in the structure of lexical

meaning, the method of component analysis is used; when determining the subtlest semantic nuances associated with the peculiarities of the writer's individual worldview, the semantic-stylistic method is used. Historical and literary articles and essays by E. Zamyatin became the source of factual material. The result of the analysis was a description of a significant fragment of his individual picture of the world. The study of the writer's journalism in the proposed perspective was undertaken for the first time. As a result, a conclusion was made about the principles of constructing a lexical microsystem that reflects the dialectical views of E. Zamyatin, the contextual meanings of keywords were identified, and methods for updating these meanings were described. The principle of binary oppositions, which underlies the writer's comprehension of reality, determined the specifics of his idiosyncrasy: the use of language game techniques based on the opposition of the meanings of a polysemic word, the active use of contextual antonyms and occasional words.

Key words: individual picture of the world; idiosyncrasy; lexical-semantic group; actual meaning of the word; binary oppositions; Zamyatin; revolution; entropy; energy.

Citation. Mozhnova Zh.I. Language representation of the concept of entropy – energy in the journalism of E. Zamyatin. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2023, vol. 29, no. 4, pp. 141–149. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-4-141-149>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Mozhnova Zh.I., 2023

Zhanna I. Mozhnova – Candidate of Philological Sciences, associate professor, Department of Russian Language and Culture of Speech, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, 1, Ulyanova Street, Nizhny Novgorod, 603002, Russian Federation.

Введение

В 2024 году исполняется 140 лет со дня рождения Е.И. Замятина (1884–1937), который вошел в историю отечественной литературы не только как талантливый писатель, но и как яркий публицист. В 20-е гг. прошлого века были написаны его статьи и очерки «Я боюсь» (1921), «Л. Андреев» (1922), «О синтетизме» (1922), «Новая русская проза» (1923), «О литературе, революции и энтропии» (1923), «Федор Сологуб» (1924), «Чехов» (1924) и др. В них Е. Замятин анализирует сложную историко-литературную ситуацию в России первой четверти XX века, формулирует собственные эстетические принципы, а также представляет специфическую социофилософскую систему, в основе которой лежит идея о двух противоположных силах, определяющих бытие человека и общества в целом, – энтропии и энергии.

Обращение к проблеме языковой репрезентации концепции энтропии – энергии, перенесенной писателем из области физико-математических наук в сферу гуманитарного знания, позволяет осмыслить его диалектические представления о развитии человека и общества в целом.

В физике под энтропией понимают величину, «характеризующую тепловое состояние тела или системы тел и возможные изменения этих состояний» (Ефремова 2000).

Е. Замятин переосмысливает понятие энтропии и связывает с ним процесс догматизации в различных сферах жизни общества: в науке, в социальной жизни, в искусстве. Главным способом преодоления косности мышления, «энтропии мысли», является некий взрыв, возникающий в результате столкновения противоположностей. Именно он приводит к высвобождению энергии, являющейся непреходящим условием существования самой жизни.

Таким образом, энтропия, в соответствии с пониманием писателя, это некий застой в любой из сфер общественной жизни. В противоположность ей энергия – сила, нацеленная на преодоление этого застоя.

В публицистике Е. Замятина идея обновления мира связана с репрезентацией понятия *революция*,

а также с функционированием слов, объединяемых в лексико-семантическую группу с общим значением «субъекты революционного процесса». Данная группа включает слова, характеризующие членов общества по их отношению к революции. Объектом настоящей статьи является контекстуальное значение слова *революция*, а также индивидуально-авторские значения слов, служащих наименованиями субъектов революционного процесса. Предметом исследования служит явление актуализации смыслового содержания слов, выражающих концепцию энтропии – энергии в публицистике Е. Замятина.

Актуальность исследования связана с его антропологической направленностью, а его цель заключается в выявлении особенностей репрезентации значимого фрагмента индивидуальной картины мира Е. Замятина в его публицистике. Задачи статьи: описать систему слов, связанных с отражением концепции энтропии – энергии в публицистике писателя; определить способы актуализации значения слов в контексте; выявить индивидуально-авторские компоненты в их значении; выявить принцип организации лексико-семантической группы «субъекты революционного процесса».

Источником фактического материала стали историко-литературные статьи и очерки Е. Замятина, написанные им в 20-е гг. XX века.

Методология

Анализ языка писателя требует обращения к понятию *идиостиль*. Единого толкования данного понятия в лингвистике до настоящего времени не выработано, хотя существует несколько подходов к изучению самого явления. Назовем лишь некоторые из них: когнитивный (В.А. Пищальников, И.А. Тарасова, Е.Г. Фоменко и др.), семантико-стилистический (В.В. Виноградов, Д.М. Поцепня, Л.И. Донецких и др.), коммуникативно-деятельностный (Ю.Н. Караулов, Н.С. Болотнова, Л.Г. Бабенко и др.). Лингвисты, изучающие идиостиль писателя, чаще всего обращаются к анализу художественной речи, которая представляет собой основную форму его речевой деятельности. Поэтому

в определениях понятия *идиостиль* чаще всего содержится указание на реализацию соответствующего явления в художественном тексте.

Так, в соответствии со сложившейся в рамках коммуникативно-деятельностного подхода теории смыслового развертывания идиостиль рассматривается как форма представления фрагмента авторской концептуальной картины мира, выраженной лингвистическими средствами. Он находит свое проявление в «способах эстетической актуализации ключевых слов, в их семантических и эстетических трансформациях на уровне текстовой парадигматики и текстовой синтагматики в соответствии с коммуникативной стратегией автора и его интенцией» [Болотнова 2009, с. 35–36].

Интеграция коммуникативно-деятельностного и когнитивного подходов лежит в основе интерпретации идиостиля как совокупности «принципов моделирования индивидуально-авторской картины мира посредством формирования содержания художественного текста, отбора языковых единиц и образных средств для его выражения, основанного на особенностях сознания языковой личности и ее представлениях о действительности» [Старкова 2015, с. 79].

Очевидно, что ориентация на языковую личность писателя требует комплексного подхода к изучению его идиостиля, анализа не только художественной, но и публицистической речи. В данной статье рассматривается проблема реализации идиостиля Е. Замятина в серии его историко-литературных статей и очерков. Этим обусловлена новизна настоящего исследования.

Так или иначе изучение идиостиля всегда предполагает осмысление сферы индивидуального в семантике слова. В связи с этим представляется рациональным анализ ключевых слов, которые выступают в качестве семантико-тематических доминант, формирующих основу содержательно-концептуальной информации текста – «индивидуально-авторского понимания отношений между явлениями» [Гальперин 1981, с. 28]. Системность индивидуальной языковой картины мира нацеливает на изучение функциональной сочетаемости этих слов, на анализ их актуального смысла, представляющего собой «одну из возможных актуализаций значения в конкретном коммуникативном акте» [Стернин 1985, с. 78].

Вслед за Ш. Балли, разработавшим теорию актуализации [Балли 1955], в современной лингвистике явление актуализации понимают как «соотнесение потенциального (виртуального) знака с действительностью, состоящее в приспособлении виртуальных элементов языка к требованиям данной речевой ситуации» [Влавацкая 2011, с. 68]. Актуализированные в авторском контексте значения рассматривают как индивидуально-авторское, «свойственное только данному автору, отличающее его от других» [Тимошина 2013, с. 76].

Выявление актуального смысла слова требует обращения к анализу его системных связей, что в

конечном итоге позволяет описать относительно законченный фрагмент индивидуальной языковой картины мира личности.

Одним из системных образований в языке писателя является лексико-семантическая группа, выступающая неким инструментом, «с помощью которого исследователь изучает системные связи слов, раскрывает семантические тождества и различия в лексических совокупностях, описывающих какой-то фрагмент мира» [Кольцова 2010, с. 67]. Изучение функциональных особенностей компонентов такой группы определяют как «способ реконструкции языковой картины мира» [Цвилева 2008, с. 52].

Выявление принципа системообразования лексико-семантической группы позволяет раскрыть специфику идиостиля как проявления языковой личности автора текстов различных речевых жанров.

Проблема языкового своеобразия публицистики писателя рассматривалась рядом ученых: Д.М. Поцепней [Поцепня, 1997], М.А. Разумовой [Разумова 2014], А.Б. Аникиной [Аникина, 2005], Н.В. Князевой и Н.В. Курковой [Князева, Куркова 2021] и др. В результате был сделан вывод о том, что стилевые разновидности творчества писателя представляют собой модификации единой индивидуальной языковой системы, а отличительной особенностью публицистического текста является использование его автором прагматических значений слов, в том числе и общественно-политических терминов.

В публицистике Е. Замятина важную смысловую нагрузку несет слово *революция*. Также особой идеологической значимостью обладают наименования субъектов революционного процесса. Осмысление функциональных особенностей рассматриваемых слов связано с анализом особенностей актуализации их семантики в условиях ближайшего и развернутого контекста. В статье большое внимание уделяется определению индивидуально-авторского компонента в значениях данных слов. С этой целью используются методы компонентного и контекстуального анализа. Также в ходе исследования применяется семантико-стилистический метод, ориентированный на выявление тончайших смысловых нюансов в их значениях.

В работе используется «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой. В нем находят отражение общезначимые, ядерные смыслы, представляющие национальное языковое своеобразие в целом.

Основная часть

Представление об энтропии и энергии в публицистике Е. Замятина воплощается в системе ключевых слов. Организующим центром данной системы служит слово *революция*. По отношению к революции дифференцируются члены общества, наименования которых составляют лексико-се-

мантическую группу с общим значением «субъекты революционного процесса».

Слово революция в публицистике Е. Замятина

Обратимся к публицистике Е. Замятина, где значение слова *революция* приобретает различные смысловые оттенки, которые могут быть противопоставлены друг другу в рамках одного контекста: **Революция – всюду, во всем, она бесконечна, последней революции нет, нет и последнего числа. Революция социальная – только одно из бесчисленных чисел: закон революции не социальный, а неизмеримо больше – космический универсальный закон – такой же, как закон сохранения энергии, вырождения энергии (энтропии)** (Замятин 1990, О литературе, революции и энтропии, с. 367).

Употребление слова *революция* здесь имеет отличительные особенности, по сравнению с его функционированием в системе общенародного языка. Так, в словаре С.И. Ожегова рассматриваемое слово имеет следующие значения: «коренной переворот в жизни общества, который приводит к ликвидации предшествующего общественного и политического строя и установлению новой власти» и «коренной переворот, резкий скачкообразный переход от одного качественного состояния к другому» (Ожегов 2002, с. 672).

Согласно представлению Е. Замятина, социальная революция выступает частным проявлением всеобщего революционного процесса, который осмысливается как вечное движение, диалектическое взаимодействие противоположностей – энтропии и энергии. Само же значение слова *революция* приобретает контекстуальное значение, которое может быть определено как «процесс, необходимый для поддержания жизни, заключающийся в борьбе противоположностей».

В результате противопоставления разных значений слова *революция* в одном контексте возникает своего рода языковая игра, подразумевающая диалог с читателем. Эффект диалогичности особенно усиливается, когда автор пытается максимально доступно через образную интерпретацию понятия раскрыть сущность явления: *Спросить вплотную, что такое революция? Ответят луи-каторзно: революция – это мы, ответят календарно: месяц и число; ответят по азбуке. Если же от азбуки перейти к складам, то вот: две мертвых, темных звезды сталкиваются <...> и зажигают новую звезду: это революция. Молекула срывается с своей орбиты и <...> рождает новый химический элемент: это революция. Лобачевский одной книгой раскалывает стены тысячелетнего Эвклидова мира, чтобы открыть путь в бесчисленные неевклидовы пространства, – это революция* (Замятин 1990, О литературе, революции и энтропии, с. 367).

Сущность революции осмысливается через бинарные оппозиции: *простое – сложное, конечное – бесконечное, статичное – динамичное*. Револю-

ция в глобальном масштабе – это не календарное событие, а взрыв, коренной переворот в развитии чего-либо: космоса, природы, процесса познания.

В основе интерпретации рассматриваемого понятия лежит представление о контрастах, что подчеркивается лексическими средствами. Окказионализм *луи-каторзно* отсылает к эпохе короля Людовика XIV: отличительной особенностью этой эпохи было сочетание в искусстве классицизма и барокко. Вопросно-ответная форма размышления отсылает к стилю катехизиса, а сами предполагаемые ответы на вопрос, что такое революция, соотносятся со строгой, точной классицистической манерой (революция – конкретное событие) и в то же время с аллегоричностью барокко (*революция – это мы*). Сочетание контрастов проявляется и в оксюмороны *неслышимый оглушительный* (грохот).

Сопоставляя революцию с появлением новой звезды, с возникновением нового химического элемента, с рождением оригинальной идеи, Е. Замятин убеждает читателя в ее величайшей миссии, заключающейся в том, чтобы служить источником вечного обновления мира.

Рассуждая о революции как конкретном историческом событии, Е. Замятин часто прибегает к метафоризации. Так, вспоминая о событиях 1905–1907 гг., он пишет: **Революция не была еще законной супругой, ревниво блюдущей свою законную монополию на любовь. Революция была юной, огнеглазой любовницей – и я был влюблен в Революцию** (Замятин 1990, Л. Андреев, с. 266).

Очеловечивая революцию, одухотворяя ее, автор очерка передает свое трепетное отношение к ней. Ассоциативная связь между понятиями *революция* и *супруга*, с одной стороны, и *революция* и *любовница* – с другой, передает изменения в мироощущении писателя. Первую русскую революцию он принял восторженно. По словам биографов, в этот период Е. Замятин находится в поисках такого дела, которому мог бы служить искренне: «В 1905 – 1906 гг. он пытался найти его в политической и партийной работе» [Любимова 2014, с. 28]. К началу 1917 года у Е. Замятина уже сложилось убеждение, что революция – «вечный маяк на пути человечества» [Любимова 1991, с. 101].

Метафорическим обозначением революции в публицистике Е. Замятина является слово *метель*: **Революцию часто сравнивают с метелью <...> Попробуйте наутро после метельной ночи выйти в сад – вы не увидите уж ни одной знакомой тропинки <...> Так же замело все дороги, так же насыпало сугробов за эти десять лет русской метели** (Замятин 1990, Чехов, с. 259 – 260).

В основе сравнения революции с метелью лежит представление о мощной стихии, скрывающей все привычное и обновляющей мир, пока еще никем не познанный.

Сложным и противоречивым можно назвать отношение Е. Замятина к Октябрьской революции. Осознание значительности произошедшего собы-

тия и в то же время отсутствие ясного понимания его смысла находит отражение в публицистике Е. Замятина первых послереволюционных лет.

Размышляя об Октябрьской революции, Е. Замятин характеризует литературную ситуацию, сложившуюся к тому времени: *Нужны писатели, которые не ищут сегодняшней выгоды – так же, как не ищет этого революция <...> нужны писатели, в которых революция родит настоящее, органическое эхо* (Замятин 1990, Цель, с. 346–347). Используя прием олицетворения, Е. Замятин наделяет революцию такими человеческими качествами, как бескорыстие, способность убеждать людей и вызывать в них эмоциональный отклик.

Значение слова *революция*, называющего Октябрьский переворот, имеет, как правило, негативную коннотацию, которая актуализируется синтагматическими связями слов в контексте или их употреблением в переносном значении: *Всем было хорошо известно, что Горький – в близкой дружбе с Лениным, что он хорошо знаком с другими главарями революции. И когда революция перешла к террору, последней апелляционной инстанцией, последней надеждой был Горький* (Замятин 1990, М. Горький, с. 290–291). В составе словосочетания *главари революции* в значении рассматриваемого слова формируется негативная эмоционально-экспрессивная окраска.

В словаре Д.Н. Ушакова слово *главарь* имеет помету «неодобрительное», а его значение определяется как «зачинщик» (Ушаков 1935, с. 563). Показательно, что в следующем предложении автор использует метонимический перенос, подразумеваемая под революцией лиц, возглавлявших Октябрьский переворот.

Таким образом, анализ публицистики Е. Замятина показывает, что под революцией в широком смысле он понимает универсальный закон бытия, вечное движение и обновление, ту энергию, которая нацелена на преодоление энтропийных периодов в истории человеческого общества, природы, Вселенной в целом. Революция в узком смысле для него – это коренной переворот в жизни общества, проявляющийся в насильственном низвержении отжившего общественного строя. Слово *революция* в контексте такого употребления может обозначать Октябрьский переворот (сужение значения, его конкретизация) или его инициаторов (метонимический перенос наименования).

Лексико-семантическая группа «субъекты революционного процесса»

Отношение Е. Замятина к революции лежит в основе его представлений о структуре социума, высшей целью и смыслом революционного обновления которого он считает свободную человеческую личность.

Представления писателя о системе общественных отношений нашли отражение в словах лексико-семантической группы со значением «субъекты революционного процесса». В состав данной

группы входят не только общеупотребительные слова (*раб, царь, человек, личность, мещанин, герой, еретик*), но и окказионализмы (*человек-царь* и субстантиваты *живые-живые* и *живые-мертвые*). Они выступают в качестве семантических доминант и служат средством репрезентации содержательно-концептуальной информации в публицистических произведениях Е. Замятина. Рассмотрим функциональные особенности этих слов.

Рассуждая об этическом смысле революции, писатель использует прием языковой игры, основанной на обыгрывании значений полисемичных слов: *Вчера – был царь и были рабы; сегодня – нет царя, но остались рабы; завтра – будут только цари. Мы идем во имя завтрашнего свободного человека, человека-царя. Мы пережили эпоху подавления масс; мы переживаем эпоху подавления личности во имя масс; завтра – принесет освобождение личности – во имя человека* (Замятин 1990, Завтра, с. 344).

Называя участников революционного процесса, писатель выстраивает своего рода цепь наименований: *царь – раб – человек – личность – человек-царь*. Слова *царь* и *раб* в контексте рассуждения о прошлом и настоящем употребляются в своих общенародных значениях, которые, согласно словарю С.И. Ожегова, определяется соответственно как «единовластный государь, монарх, а также официальный титул монарха; лицо, носящее этот титул» (Ожегов 2002, с. 871) и «зависимый, угнетенный человек» (Ожегов 2002, с. 637). В контексте «*завтра – будут только цари*» у слова *царь* актуализируется общеупотребительное переносное значение «тот, кто безраздельно обладает чем-н., властитель». Человек будущего, по Е. Замятину, является хозяином своей судьбы. Окказионализм *человек-царь* здесь выступает в значении «свободная личность».

Смысл слова *человек* раскрывается в других контекстах через бинарные оппозиции: *человек – обезьяна, человек – животное, человек – мещанин, живой-живой – живой-мертвый*.

Противопоставление человека обезьяне актуализирует в значении соответствующего слова признак «цивилизованный»: *Человек перестал быть обезьяной, победил обезьяну в тот день, когда написана была первая книга* (Замятин 1990, Для сборника о книге, с. 393). Слово *обезьяна* обозначает здесь, скорее, не животное, а животное начало в человеке, поскольку речь идет не об эволюционном процессе, а о том, что человек побеждает обезьяну в себе, обращаясь к культуре.

Признак «развивающийся» появляется в значении слова *человек* в контексте образной интерпретации понятия: *Но человек – человек только тогда, когда он в точности соответствует своему биологическому имени: когда он – homo erectus, когда он уже встал с четверенек и умеет смотреть вверх, в бесконечность* (Замятин 1990, Федор Сологуб, с. 257).

Размышляя об особенностях индивидуальной стилиевой манеры Ф. Сологуба, его ценностных

приоритетах, Е. Замятин подчеркивает: *К тем, кто еще роется пятачком в земле, к Санхо-Пансам – румяным, дебелым, удовлетворенным, конечным – к ним Сологуб немилосерден; их он казнит жизнью, они никогда у него не умирают* (Там же). Опозиция человек – животное здесь усиливается противопоставлением конечного бесконечному, статичного динамичному, ограниченного развивающемуся.

Важным признаком человека является его способность вступать в социальное взаимодействие: *Сегодняшний городской человек непременно зоополитикон – животное социальное* (Замятин 1990, Герберт Уэллс, с. 304). Слово *животное* используется здесь для обозначения любого живого организма. Признак «социализированный», формирующийся в значении анализируемого слова, указывает на родовое свойство человека.

Таким образом, человек будущего, согласно представлениям Е. Замятина, – это свободная личность, главными чертами которой являются цивилизованность, способность к развитию и самосовершенствованию, умение заглянуть в бесконечность, нетерпимость к косности и догматизму.

Важную смысловую нагрузку в публицистике Е. Замятина несут контекстуальные антонимы *живые-живые* и *живые-мертвые*: *Ошибочно разделять людей на живых и мертвых: есть люди живые-мертвые и живые-живые. Живые-мертвые тоже пишут, ходят, говорят, делают. Но они не ошибаются; не ошибаясь – делают только машины, но они делают только мертвое. Живые-живые – в ошибках, в поисках, в вопросах, в муках* (Замятин 1990, О литературе, революции и энтропии, с. 390). Окказионализм *живые-мертвые* называет людей, которые, подобно машинам, не способны на ошибку и поступают в соответствии с раз и навсегда установленными правилами. В противоположность им, *живые-живые* – это люди, находящиеся в состоянии вечного поиска, не умеющие довольствоваться малым. Именно они и являются непременным условием и смыслом общественного прогресса.

Человеку будущего Е. Замятин противопоставляет мещанина. Это противопоставление усиливается в контексте, содержащем оппозицию *современное – сегодняшнее*. В литературе революционного периода, по мнению писателя, *сегодняшнего – куда больше, чем современного. И хорошо, если пропорция эта, отношение сегодняшнего к современному, не будет расти – так же, как растет, лопухом лезет из всех щелей мещанин, заглушая человека* (Замятин 1990, О сегодняшнем и современном, с. 378).

Слова *человек* и *мещанин* выступают здесь как контекстные антонимы. В соответствии со словарем С.И. Ожегова, значение слова *мещанин* определяется как «человек с мелкими, сугубо личными интересами, с узким кругозором и неразвитыми вкусами, безразличный к интересам общества» (Ожегов 2002, с. 355). Используя образное сравнение, Е. Замятин привносит дополнительные оттенки смысла в значение рассматриваемого слова:

«лишний», «устаревший». Мещанин для него – сорняк, препятствующий всякому развитию.

Подобные актуальные смыслы формируются и в контексте другого сравнения: *Мещанин – как плесень. Одно мгновение казалось, что он дотла сожжен революцией, но вот уже снова, ухмыляясь, вылезает из-под теплого еще пепла – трусливый, ограниченный, тупой, самоуверенный, всезнающий* (Замятин 1990, Федор Сологуб, с. 257–258).

Согласно словарю Т.Ф. Ефремовой, переносное значение слова *плесень* определяется как «элементы распада, разложения (в психике, мышлении и т. п.)» [Ефремова 2000]. Для Е. Замятина мещанин – это тот, кто не способен к развитию и полностью утратил жизнеспособность в новых условиях. Он не только самодоволен и ограничен, но и отличается абсолютной нетерпимостью к свободе: *Ненависть к свободе – самый верный симптом этой болезни: мещанства* (Замятин 2010, Скифы ли?, с. 287).

В очерке «Федор Сологуб» слова *мещанин* и *герой* выступают контекстными антонимами: *Всегда говорят о бессмертии великих людей, героев – это, конечно, ошибка: герой неразрывно связан с трагедией, со смертью; неистребимо живуч, бессмертен – мещанин* (Замятин 1990, Федор Сологуб, с. 257).

Основой противопоставления служат признаки *смертность – бессмертие*. Слово *бессмертный*, характеризуя мещанина, употребляется в общенародном значении «не подверженный смерти, живущий вечно» (Ожегов 2002, с. 46). Другое значение, присущее этому слову и определяемое в словаре С.И. Ожегова как «остающийся навсегда в памяти людей» (Ожегов 2002, с. 46), здесь исключается в связи с особенностями своего положительного коннотативного содержания.

Мещанин Е. Замятина в силу своего мировоззрения является носителем энтропийного начала. Его консервативность, приверженность догмам делает жизнь комфортной, но для преодоления косности человеческой мысли, для того, чтобы *снова зажечь молодостью планету, столкнуть ее с плавного шоссе эволюции* (О литературе, революции и энтропии, с. 388), необходимы герои, выступающие как сила, направляющая исторический процесс.

Стремление к свободе, по Е. Замятину, обостряет противоречия между человеком и государством. Эти противоречия выражены через оппозицию *народ – государственные служащие*. Так, писатель мечтает о том, что наступит время, когда потребуются творить, а это *под силу только народу. Не оперному большевистскому «народу», насвистанному для вынесения бесчисленных резолюций о переименовании деревни Ленивки в деревню Ленинку, а подлинному Микуле Селяниновичу* (Замятин 2010, Беседы еретика, с. 313).

Противопоставление оперного большевистского народа подлинному Микуле Селяниновичу раскрывает ценностные предпочтения писателя. Все, что связано с партийной принадлежностью,

является чем-то искусственным, наносным, несвойственным истинной природе человека. Подлинный творец истории – народ-труженик, наделенный богатырской силой и способный на подвиг. Эта мысль подчеркивается отсылкой к известному образу героя былин и сказаний Микуле Селяниновичу, который и служит собирательным образом русского народа.

Высшее проявление свободы человеческого духа, по убеждению Е. Замятина, свойственно еретикам, людям, регулирующим процесс революционного обновления мира: *Мир жив только еретиками: еретик Христос, еретик Коперник, еретик Толстой. Наш символ веры – ересь: завтра – непременно ересь для сегодня* (Замятин 1990, Завтра, с. 344).

Значение слова *еретик* здесь обогащается дополнительными оттенками смысла. В его основе лежит переносное общенародное значение слова *ересь*, которое, в соответствии со словарем С.И. Ожегова, определяется как «нечто противоречащее общепринятому мнению, пониманию» (Ожегов 2002, с. 187). Значение слова *еретик* в речи писателя может быть определено как «человек, который отстает от общепринятого и является носителем передовых, прогрессивных идей».

Смысл рассматриваемого слова раскрывается через ряд бинарных оппозиций, которые оказываются особенно значимыми в индивидуальной картине мира Е. Замятина: *медленный – мгновенный, созидание – разрушение, эволюция – революция, энтропия – энергия*. В свете данных оппозиций по-разному раскрывается значение слова *еретик*.

Сущность понятия *еретик* может быть реализовано через метафору: *Еретики – единственное (горькое) лекарство от энтропии человеческой мысли* (Замятин 1990, О литературе, революции и энтропии, с. 388). Энтропия в сфере сознания человека – болезнь, и лишь еретики, посягающие на любую догму, способны исцелить общество и своей энергией изменить ход истории.

Еретик – это всегда революционер, который вторгается в эволюционный процесс и резко меняет траекторию общественного развития. Именно поэтому *«взрывателей, еретиков, справедливо истребляют огнем, топором, словом»* (Замятин 1990, О литературе, революции и энтропии, с. 388).

Именно еретики способны заглянуть в будущее, они обладают особым мироощущением: *Для всякого сегодня, для всякой эволюции, для <...> коралловой работы – еретики вредны: они нерасчетливо, глупо высказывают в сегодня из завтра, они – романтики* (Замятин 1990, О литературе, революции и энтропии, с. 388).

Еретик, по Е. Замятину, не только разрушитель привычного уклада жизни, но еще и созидатель, строитель нового мира. Настоящий творец, как считает Е. Замятин, всегда еретик: *Художник <...> творит для себя свой особенный мир, со своими особенными законами <...> И оттого художника*

трудно уложить в уже созданный, семидневный, отвердевший мир: он выскочит из параграфов, он будет еретиком (Замятин 1990, Герберт Уэллс, с. 305). Настоящий художник не приемлет веками складывающихся канонов, всегда идет своим путем и является носителем той энергии, которая способна преобразовать мир.

В соответствии с убеждением Е. Замятина, качественную литературу создают не исполнительные и благонадежные *чиновники, а безумцы, отшельники, еретики, мечтатели, бунтари, скептики*. *А если писатель должен быть благоразумным, тогда нет литературы бронзовой, а есть только бумажная, газетная, которую читают сегодня и в которую завтра завертывают глиняное мыло* (Замятин 1990, Я боюсь, с. 352).

Наименование *еретик*, наряду с другими обозначениями революционеров-одиночек, является контекстуальным антонимом к слову *чиновник*, называемому не просто государственного служащего, а то должностное лицо, которое выполняет свою работу лишь формально, следуя инструкциям и предписаниям.

Таким образом, источником контекстуальной антонимии является противопоставление в значениях рассмотренных слов признаков *свободный* и *несвободный*. Различные вариации этих признаков (*не терпящий ограничений – ограниченный, отступающий от догм – приверженный догмам, прогрессивный – консервативный*), так или иначе проявляющихся в обозначениях субъектов революционного процесса, указывают на то, что понятия *свобода* и *несвобода* обладают исключительной значимостью в мировоззренческой системе Е. Замятина.

Несвободными, согласно пониманию писателя, являются люди, индивидуальность которых скрыта за их социальной ролью. Это рабы, мещане, чиновники. В противоположность им, еретики, с их посягательством на любую догму и стремлением к свободному самовыражению, являются носителями той энергии, которая является главным условием революционного обновления мира.

Заключение

Проведенное исследование показало, что значимая для мировоззренческой системы Е. Замятина концепция энтропии – энергии находит отражение в смысловой структуре слова *революция*, а также в словах, составляющих лексико-семантическую группу «субъекты революционного процесса». Ключевые слова, связанные с репрезентацией данной концепции, образуют микросистему, в основе организации которой лежит принцип бинарных оппозиций.

Анализ языковых средств выражения этих оппозиций позволил обнаружить индивидуально-авторские компоненты в значениях ключевых слов.

К основным способам актуализации значений в публицистике Е. Замятина можно отнести контекстуальную антонимию; языковую игру,

основанную на противопоставлении значений многозначного слова; различные типы переноса наименований, отражающие особенности индивидуального мировосприятия; окказиональное словоупотребление.

Обращение к сфере индивидуального в семантике слова имеет большое значение для изучения идиостиля писателя и является одним из перспективных направлений в рамках антропологического направления в лингвистике.

Материалы исследования

Болотнова 2009 – *Болотнова Н.С.* Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. Москва: Наука, 2009. 384 с. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=57883>.

Ефремова – *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. Москва: Русский язык, 2000. Т. 2: П – Я. 1088 с. URL: <https://www.efremova.info/>.

Замятин 1990 – *Замятин Е.И.* Избранные произведения: в 2 т. / вступит. ст., сост., примеч. О. Михайлова. Москва: Худ. лит, 1990. Т. 1. 530 с.; Т. 2. 412 с.

Замятин 2010 – *Замятин Е.И.* Собрание сочинений: в 5 т. Т. 4. Беседы еретика / сост., подгот. текста, коммент. С.С. Никоненко, А.Н. Тюрина. Москва: Дмитрий Сечин, 2010. 510 с. URL: https://imwerden.de/pdf/zamyatin_sochineniya_tom4_2010_text.pdf.

Ожегов – *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. Москва: Азбуковник, 2002. 944 с.

Ушаков – *Ушаков Д.Н.* Толковый словарь русского языка: в 4 т. Москва: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 193–1940. Т. 1: А – Кюрины / сост. Г.О. Винокур, Б.А. Ларин, С.И. Ожегов, Б.В. Томашевский, Д.Н. Ушаков; под ред. Д.Н. Ушакова: Москва: Советская энциклопедия: ОГИЗ, 1935. 1563 с. URL: <https://ushakov.slovaronline.com>.

Библиографический список

Аникина 2005 – *Аникина А.Б.* Образное слово в художественном и публицистическом произведении: вопросы стилистики текста. Москва: ВК, 2005. 216 с. URL: <https://cruхbook.xyz/books/obraznoe-slovo-v-hudojestvenno?ysclid=lq3jtmhrsjs682443077>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=19826718>. EDN: <https://elibrary.ru/qrwqot>.

Балли 1955 – *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. Москва: Изд-во иностранной литературы, 1955. 412 с. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/sharl/text.pdf>.

Влавацкая 2011 – *Влавацкая М.В.* Сочетаемость как фактор актуализации лексического значения слова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Сер.: Филологические науки. 2011. № 59 (5). С. 67–71. URL: <http://izvestia.vspu.ru/files/publics/59/67-71.pdf>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=16559698>. EDN: <https://elibrary.ru/njytyp>.

Гальперин 1981 – *Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. Москва: Наука, 1981. 140 с. URL: http://library.lgaki.info:404/2017/Гальперин%20И.Р.%20П_Текст%20как%20объект%20.pdf.

Князева, Куркова 2021 – *Князева Н.В., Куркова Н.В.* Языковая игра в публицистике В.В. Набокова: трансформация значений и особенности словоупотребления // Филология: научные исследования. 2021. № 8. С. 58–66. DOI: <https://doi.org/10.7256/2454-0749.2021.8.36123>. EDN: <https://elibrary.ru/feosji>.

Кольцова 2010 – *Кольцова О.В.* Лексико-семантическая группа как единица описания языковой картины мира // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2010. Т. 10, вып. 1. С. 66–72. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2010-10-1-66-72>. EDN: <https://elibrary.ru/lmckat>.

Котелова 1975 – *Котелова Н.З.* Значение слова и его сочетаемость. Ленинград: Наука, 1975. 164 с.

Любимова 1991 – *Любимова М.Ю.* Е.И. Замятин в годы Первой русской революции // Источниковедческое изучение памятников письменной культуры в архивах ГПБ. История России XIX–XX в.: сборник научных трудов. Ленинград: ГПБ, 1991. С. 97–107. URL: <https://nlr.ru/dmplekhanova/dep/artupload/dp/article/98/NA1206.pdf>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=27375053>. EDN: <https://elibrary.ru/xbbgkn>.

Любимова 2014 – *Любимова М.Ю.* Жизненный стиль и творческая манера Е. Замятина // Е.И. Замятин: pro et contra, антология / сост. О.В. Богдановой, М.Ю. Любимовой; вступ. ст. Е.Б. Скороспеловой. Санкт-Петербург: РХГА, 2014. 974 с. URL: https://vk.com/doc5787984_450549966?hash=MNwlbmsdOTIJzItCEoHkiQzVOsShJ2cb25GDvI9cquP; <https://elibrary.ru/item.asp?id=29263563>. EDN: <https://elibrary.ru/yqjsyn>.

Поцепня 1997 – *Поцепня Д.М.* Образ мира в слове писателя. Санкт-Петербург: Изд-во СПб ГУ, 1997. 259 с.

Разумова 2014 – *Разумова М.А.* Ядерная лексика публицистики Е.И. Носова // Научный журнал КубГАУ. 2014. № 104 (10). С. 1–11. URL: <http://ej.kubagro.ru/2014/10/pdf/65.pdf>.

Старкова 2015 – *Старкова Е.В.* Проблема понимания феномена идиостиля в лингвистических исследованиях // Вестник Вятского государственного университета. 2015. № 5. С. 75–81. URL: [http://vestnik43.ru/5\(2015\).pdf](http://vestnik43.ru/5(2015).pdf); <https://elibrary.ru/item.asp?id=23923587>. EDN: <https://elibrary.ru/udnfnf>.

Стернин 1985 – *Стернин И.А.* Лексическое значение слова в речи. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1985. 137 с. URL: http://sterninia.ru/files/757/4_Izbrannye_nauchnye_publicacii/Semasiologija/Leksicheskoe_znachenie_v_rechi_1985.pdf.

Тимошина 2013 – *Тимошина Т.В.* Индивидуально-авторское значение и его особенности // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2013. № 2. С. 76–78. URL: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/phylogol/2013/02/2013-02-19.pdf>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=20375670>. EDN: <https://elibrary.ru/rdwsgd>.

Цивилева 2008 – *Цивилева А.В.* Функционирование компонентов лексико-семантических групп как способ реконструкции языковой картины мира // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2008. № 2 (8). С. 52–57. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsionirovanie-komponentov-leksiko-semanticheskikh-grupp-kak-sposob-rekonstruktsii-yazykovoy-kartiny-mira/viewer>.

References

Anikina 2005 – *Anikina A.B.* (2005) Figurative word in fiction and journalistic work: issues of text stylistics. Moscow: VK, 216 p. Available at: <https://cruxbook.xyz/books/obraznoe-slovo-v-hudojestvenno?ysclid=lq3jtmhrs682443077>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=19826718>. EDN: <https://elibrary.ru/qrwoqt>. (In Russ.)

Balli 1955 – *Balli Sh.* (1955) General linguistics and questions of the French language. Moscow: Izd-vo inostrannoy literatury, 412 p. Available at: <https://www.booksite.ru/fulltext/sharl/text.pdf>. (In Russ.)

Vlavatskaya 2011 – *Vlavatskaya M.V.* (2011) Combinatory power as the factor of actualization of lexical meaning of the word. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University. Philological sciences*, no. 59 (5), pp. 67–71. Available at: <http://izvestia.vspu.ru/files/publics/59/67-71.pdf>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=16559698>. EDN: <https://elibrary.ru/nyjtyp>. (In Russ.)

Gal'perin 1981 – *Gal'perin I.R.* (1981) Text as an object of linguistic research. Moscow: Nauka, 140 p. Available at: http://library.lgaki.info:404/2017/Гальперин%20И.%20Р_Текст%20как%20объект%20.pdf. (In Russ.)

Knyazeva, Kurkova 2021 – *Knyazeva N.V., Kurkova N.V.* (2021) Language game in publicistic writing of V.V. Nabokov: transformation of meanings and peculiarities of word usage. *Philology: Scientific Researches*, no. 8, pp. 58–66. DOI: <https://doi.org/10.7256/2454-0749.2021.8.36123>. EDN: <https://elibrary.ru/feosji>. (In Russ.)

Koltzova 2010 – *Koltzova O.V.* (2010) Lexical-Semantic Group as Descriptive Unit in the Language World Picture. *Izvestia of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology*, vol. 10, issue 1, pp. 66–72. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2010-10-1-66-72>. EDN: <https://elibrary.ru/lmckat>. (In Russ.)

Kotelova 1975 – *Kotelova N.Z.* (1975) The meaning of the word and its compatibility. Leningrad: Nauka, 164 p. (In Russ.)

Lyubimova 1991 – *Lyubimova M.Yu.* (1991) E.I. Zamyatin during the years of the First Russian Revolution. In: *Source study of the monuments of written culture in the archives of the GPB. History of Russia of the XIX–XX century: collection of scientific papers*. Leningrad: GPB, pp. 97–107. Available at: <https://nlr.ru/doplekhanova/dep/artupload/dp/article/98/NA1206.pdf>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=27375053>. EDN: <https://elibrary.ru/xbbgkn>. (In Russ.)

Lyubimova 2014 – *Lyubimova M.Yu.* (2014) Life style and creative manner of E. Zamyatin. In: *E.I. Zamyatin: pro et contra, anthology. Compiled by Bogdanova O.V., Lyubimova M.Yu., introductory article by Skorospelova E.B.* Saint Petersburg: RKhGA, 974 p. Available at: URL: https://vk.com/doc5787984_450549966?hash=MNwlbmsdOTIjZtCEoHkiQzVOsShJ2cb25GDvI9cquP; <https://elibrary.ru/item.asp?id=29263563>. EDN: <https://elibrary.ru/yqjsyn>. (In Russ.)

Potzepnyia 1997 – *Potzepnyia D.M.* (1997) The image of the world in the word of the writer. Saint Petersburg: Izd-vo SPb GU, 1997, 259 p. (In Russ.)

Razumova 2014 – *Razumova M.A.* (2014) Nuclear lexis in publicism of Evgeniy I. Nosov. *Scientific Journal of KubSAU*, no. 104 (10), pp. 1–11. Available at: <http://ej.kubagro.ru/2014/10/pdf/65.pdf>. (In Russ.)

Starkova 2015 – *Starkova E.V.* (2015) The problem of idiostyle phenomenon interpretation in linguistic studies. *Herald of Vyatka State University*. no. 5, pp. 75–81. Available at: [http://vestnik43.ru/5\(2015\).pdf](http://vestnik43.ru/5(2015).pdf); <https://elibrary.ru/item.asp?id=23923587>. EDN: <https://elibrary.ru/udnnfp>. (In Russ.)

Sternin 1985 – *Sternin I.A.* (1985) Lexical meaning of a word in speech. Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo universiteta, 137 p. Available at: http://sterninia.ru/files/757/4_Izbrannye_nauchnye_publicacii/Semasiologija/Leksicheskoe_znachenie_v_rechi_1985.pdf. (In Russ.)

Timoshina 2013 – *Timoshina T.V.* (2013) Features of individual author's meaning of the word. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*, no. 2, pp. 76–78. Available at: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/phylogol/2013/02/2013-02-19.pdf>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=20375670>. EDN: <https://elibrary.ru/rdwsgd>. (In Russ.)

Tsivileva 2008 – *Tsivileva A.V.* (2008) Functions of lexical semantic groups' components as a means world's language map reconstruction. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, no. 2 (8), pp. 52–57. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsionirovanie-komponentov-leksiko-semanticheskikh-grupp-kak-sposob-rekonstruktsii-yazykovoy-kartiny-mira/viewer>. (In Russ.)